

понятия «личность», являвшегося центральным концептом рус. философии 20–30-х гг. XX в. К. исследует философию М.М. Бахтина, Карсаина, Лосева, Франка и др., предпринимает попытку увязать процессы изменения философской картины мира с парадигмальными естественно-научными сдвигами указанного исторического периода, делая вывод о «квантованности», «субъективности» философского понятия личности 20–30-х гг. XX столетия. Автора интересуют предельные основания философского знания эпохи переходного периода развития отечественной истории, трансгрессивной/лиминальной природы этого знания. К. – одна из авторов коллективных работ: Русская философия: Словарь. М., 1995; 1999; Русская философия: Энциклопедия / Под ред. М.А. Маслина. М., 2007, 2014, 2020; Философский словарь. 8-е изд. М., 2009; 9-е изд. 2021; Энциклопедия русские философии. Београд, 2009; Словарь философских терминов. М., 2005 (9-е изд. 2013); Dictionnaire de la philosophie Russe. P., 2010.

С о ч.: Личность в евразийстве. М., 2008; Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М., 2018; Философия личности как преодоленная феноменология: Вл. Соловьев и М.М. Бахтин // Вопросы философии. 2012. № 1; Проблема мифа и личности в работе А.Ф. Лосева «Диалектика мифа» // Философия и общество. 2013. № 3; Потенциал русской философско-психологической школы и методология портретирования личности политика (в соавт.) // Вестник Московского университета. Серия: Политические науки. 2014. № 6; «Евразийство и А.Ф. Лосев»: миф и эйдос в русской мысли. Уфа, 2013; Специфика теории личности евразийства // Евразийство: публикации и исследования. М., 2014; Философия 20–30-х гг. XX века в России: Концепция личности М.М. Рубинштейна // Вопросы философии. 2017. № 5; Личность раннего Лосева – опыт философского портретирования // Вестн. МГОУ. Сер. Философские науки. 2017. № 2; Неявленная субстанциональность личности в философии Г.Г. Шпета. Ч. 1 и 2 // Там же. 2017. № 3, № 4; Личность постижимая и непостижимая в философии С.Л. Франка в 1920–1930-х годах // Научное мнение. 2017. № 5; Личность в пореволюционной философии С. Л. Франка // Там же. 2017. № 6; Личность как свобода в философии Н.А. Бердяева 1920–1930-х годов // Там же. 2017. № 12; Философские проблемы личности в советской педагогике 1920–1930-х гг. // Вест. МГОУ. Серия. Философские науки. 2018. № 1, и др.

В. В. Кравченко

КОЛУБОВСКИЙ Яков Николаевич (1863, Глухов Черниговской губ. – год смерти неизвестен) – историк и библиограф русской философии. Учился в Коллегии Павла Галагана в Киеве; в 1886 г. окончил Петербургский ун-т, затем учился в Германии. Преподавал историю педагогики и логику на Петербургских педагогических курсах. С 1891 г. сотрудничал в журн. «Вопросы философии и психологии». Был сотрудником «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, для к-рого написал ряд ст. о рус. философах (в т. ч. о Розанове). К. принадлежит один из первых очерков истории рус. философии, имеющий библиографический характер.

С о ч.: Психологическая лаборатория В. Вундта // Русское богатство. 1890. № 2–3; Философия у русских // Иберверг-Гейнце Ф. История новой философии в сжатом очерке / Пер. с 7-го нем. изд. Я. Н. Колубовского. Спб., 1890; Материалы для истории

философии в России // Вопросы философии и психологии. 1890. № 4, 5; 1891. № 6–8; 1898. № 44; Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1914. № 136.

С. М. Половинкин

КОЛЫВАНОВ Андрей Передумин (наст. имя Христлиб Фельдштраух) (1734, Ревель (Колывань) – 1799, Франкфурт-на-Майне) – российско-нем. философ. Р. в российском Ревеле (Колывани), учился в местной дворянской школе. В 1751 г. поступил на теологический ф-т ун-та в Галле, где преподавал Хр. Вольф. После окончания ун-та в 1756 г. вернулся в Россию, занимался педагогической работой. Через 5 лет вновь переехал в Германию, где работал школьным и домашним учителем. В 70-е гг. К. обосновался в Альтоне. Здесь им был опубликован трактат «Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру. Философский опыт» (1790), экстракт из множества рукописей по «практической философии», созданных им на протяжении более чем двух десятилетий. Позже К. перебрался в датский (в те времена) г. Итцехо. Умер во Франкфурте-на-Майне. Судя по дошедшему до нас письму К. литератору И. Г. Мюллеру, у него не было ни семьи, ни собственности, зато было значительное собрание книг. Он вынашивал свои теории втайне от других и старался жить незаметно, чтобы ничто не отвлекало его от наблюдений и размышлений. К. говорит, что обретение такой внутренней свободы составляет суть его философии. Путь к этому состоянию описан в его осн. соч. «Наблюдениях о человеческом духе...» (рус. пер. 2003, 2-е электронное издание 2005). К. выявляет ядро человеческих способностей на основе сравнительного анализа антропологических данных разных эпох, культур, возрастов и т.п. (хотя сам фактический материал в трактате не приводится), отмечает общие черты всех способностей, делает на основании этой общности вывод о невозможности допущения высших и низших способностей и диагностирует причины человеческих бедствий в непонимании этого обстоятельства и в нарушении баланса человеческих способностей. Отражая общие установки европейского Просвещения, «Наблюдения о человеческом духе...» Ф. содержат вместе с тем самостоятельную попытку философского обоснования либерализма, формулировку оригинальной концепции «морального чувства» и предвосхищение ряда позднейших идей, связанных, в частности, с поисками т. наз. человеческих универсалий. В целом, позицию К. можно условно назвать «просвещенческим экзистенциализмом».

С о ч.: Наблюдение о человеческом духе и его отношении к миру / Пер. с нем. В.В. Васильева. М., 2003.

Л и т.: Васильев В.В. Христлиб Фельдштраух: Альтернативное начало русской философии // Философские науки. 2014. № 5.

В.В. Васильев

«КОММУНИЗМ. АНТИКОММУНИЗМ. РУСОФОБИЯ» – сб. работ совр. отечественных ученых, посвященный актуальным проблемам интерпретации наследия К. Маркса и коммунистической традиции в контексте посткоммунистических трансформаций в постсоветской России. Составителем сб. выступил *Апрышко*, собравший под одной обложкой произв. разных лет известных

совр. философов, политологов, историков, писателей, публицистов. За два года сб. был издан дважды – в 2019 г. и в дополненном варианте в 2021 г. Осн. предметом размышлений авторов являются различные трактовки концепций социализма и коммунизма в философии Маркса в отечественном и международном философском и политическом дискурсах. Цель трактовок – преодолеть заблуждения и мифы относительно природы коммунистической идеологии и исторических особенностей реализации коммунистического проекта в России, применить методологию марксизма для анализа общественного строя, сформировавшегося в СССР. Во 2-м издании книги проблематика дополнена анализом наследия *Ленина*, а также острых дискуссий, свидетелемствующих о том, что историческая память о победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. по-прежнему является амбивалентной в том смысле, что она способствует консолидации общественного сознания и одновременно углубляет идеологические разломы, возникшие в России в периоды «перестройки» и реформ 1990-х гг. «В 2020 году, – говорится в предисловии, – отмечалось 150-летие со дня рождения В. И. Ленина – человека, чьи идеи, воля, работа превратили социализм из теории в реальность. Мы видим: интерес к его идеям и деятельности, к теории и практике реального социализма в целом вновь усиливается. Потому что прогноз о предстоящем после распада Советского Союза триумфе либеральной демократии и рыночной экономики не оправдался... Невозможно опровергнуть то, что капитализм XXI века также далёк от решения ключевых вопросов человечества, как и капитализм предшествующих столетий. Вот почему вопрос об альтернативе капитализму остаётся в мировой повестке». Данный тезис органически вписывается в теоретические дискуссии, к-рые продолжаются на Западе после распада мировой социалистической системы и снижения накала идеологической конфронтации, характерной для послевоенного периода. Совр. зап. аналитики в свете новых реалий пытаются ответить на вопрос – почему, несмотря на «утопизм», «несовместимость с природой человека», «историческую обреченность» и т.д., социалистические режимы в Европе, Азии и Лат. Америке на протяжении мн. десятилетий демонстрировали живую динамику, способность решать проблемы, рождаемые различными новыми политическими условиями. В теоретическом плане в сб. выдвигаются два исходных тезиса, к-рые, на первый взгляд, довольно трудно примирить друг с другом. Первый тезис сформулирован в статье *Мареева* «Теория коммунизма К. Маркса». Автор делает вывод о том, что, в полном соответствии с теорией Маркса, в недостаточно экономически развитой России нач. XX в., в к-рой частная собственность еще не «исчерпала себя», в результате социальной революции, уничтожившей традиционные элиты и формы собственности, возник строй, к-рый одни называют «казарменным социализмом», другие – государственным капитализмом, завершившимся в 1990-е гг. «номенклатурно-бюрократической приватизацией». В связи с этим, естественно, возникает вопрос: было ли данное обстоятельство главной причиной, по к-рой СССР проиграл Западу «холодную войну» и вслед за этим распался? Противоположный тезис сформулирован в статье «Советский социализм: по Марксу, Ленину,

Сталину?»): «...Оттягивание осуществления необходимых реформ привело к снижению темпов развития страны. В итоге удовлетворение постоянно растущих потребностей людей на практике оказалось далеко не полным. Все это рождало недовольство людей, уставших от ожиданий, от невыполненных властью обещаний. По сути, руководство КПСС, Советского государства допустило стратегический просчет, взяв фактически за образец образ жизни, сложившийся в странах Запада, вместо того чтобы сделать ставку на максимально полное использование возможностей развития человеческого капитала, открываемых планированием народного хозяйства и общественными фондами потребления... Не похоже, что социализм органически несет в себе заведомое отставание в экономике, технологиях. Скорее, речь должна идти о стратегических ошибках руководства Советского Союза. Его распад был результатом кризиса сложившейся системы управления государством, страной, но не самого общественного строя» (с. 71–72). Хотя оценки авторов в отношении общественного строя в СССР существенно отличаются, они сходятся в том, что его экономическая и социальная эффективность не вызывает сомнений. Существенным сегментом книги является критический анализ *руссофобии*. В амер. «Энциклопедии фобий, страхов и тревог» руссофобия определяется как «страх перед Россией, русским языком и вещами, имеющими отношение к русской культуре». В очерке *Зиновьева* смысл руссофобии выражен еще более рельефно и жестко: «...Вполне сознательно запланировано полное вычеркивание русских как особого великого народа из истории. Вся история человечества будет сфальсифицирована так, чтобы от нас и следа не осталось. Этот процесс уже начался. С нами считались, пока мы были сверхдержавой, когда мы конкурировали с Западом и угрожали ему, когда могли следить за тем, как нас изображали, когда сами могли фальсифицировать их историю в наших целях. А как только рухнул СССР и советский коммунизм, как только начался всеобъемлющий крах России, отношение к нам резко изменилось» (с. 327). В разделах: II. Антикоммунизм и руссофобия в постсоветской России, III. Ренегаты – антикоммунисты и антисоветчики, IV. В мире фальшивок и заблуждений авторы статей – *Бушин, Гобозов, Ю.В. Емельянов, Зиновьев, Кожин, Проханов*, и др. уделяют осн. внимание идейному противодействию различным враждебным России тенденциям, разоблачают политику таких деятелей, как А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин и др., антинародный характер к-рой постоянно подтверждается с публикацией всё новых и новых документов. В статьях сборника, зап. руссофобская традиция трактуется как совокупность политических и идеологических факторов, стимулирующих процессы консолидации тех политических группировок, к-рые, используя антикоммунистическую риторику, активно противодействуют обозначившемуся в нач. XXI в. стремлению российского руководства к проведению суверенной, независимой от Запада политики. В этом плане, как отмечают авторы, «антикоммунизм, если вдуматься, – это не только конфликт идеологий, противостояние общественных систем, но и категорическое неприятие Западом самого существования России, ее присутствия в мире в качестве самостоятельного

государства. Ослабление и подчинение России, разрушение идентичности русских как государствообразующего народа, установление контроля над российской территорией и ресурсами – в этом геополитический, сущностный смысл русофобии...» (с. 10). В наши дни, отмечают авторы, русофобия приобретает глобальный характер.

Л и т. *Апрышко П.П.* Русофобская грань антикоммунизма // Правда. 2019. 13–16 сентября; *Он же.* Русофобия как атрибут антикоммунизма // Политическое просвещение. 2021. № 2; *Гуторов В.А., Шириняню А.А.* О некоторых особенностях теоретических дискуссий о коммунизме в XXI веке (размышления о книге «Коммунизм, Антикоммунизм. Русофобия» / П.П. Апрышко и др. М., 2019) // Вопросы философии. 2020. № 3; *Они же.* Интерпретации коммунизма и посткоммунистических трансформаций в России // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2021. Т. 23. № 4; *Апрышко П.П., Поляков А.П.* Потребность в верном выборе // Правда. 2021. 21 января.

В.А. Гуторов, А.А. Шириняню

«КОММУНИЗМ КАК РЕАЛЬНОСТЬ» – одна из осн. книг *Зиновьева*. Впервые издана в Италии и Франции в 1980 г., в России – в 1994 г. Удостоена Международной премии А. Токвиля за исследования в области социологии (1982). В своем исследовании Зиновьев исходит из того, что реальный коммунизм – это тот общественный строй, к-рый возник в Советском Союзе. Др. коммунизма нет. Научная теория коммунизма может быть только теорией советского общественного строя. Несмотря на его более чем полувековое существование, объективное научное исследование советского опыта, по мнению Зиновьева, отсутствует. По крайней мере, по двум причинам. Первая – опора на теорию коммунизма Маркса. Зиновьев отказывает ей в научности, так как она, по его словам, носит прежде всего идеологический характер, выражая интересы рабочего класса, к-рый так и не стал нигде господствующим. Естественно, что в советское время идеологический подход доминировал над научным исследованием. Вторая причина – отсутствие действительно научного метода изучения социальных явлений, включая коммунизм. Зиновьев считает, что таким методом служит разработанная им логика и методология социального познания (систематическое изложение этого метода дано в его работе «Логическая социология». М., 2002). Применяя разработанный им исследовательский инструментарий к изучению социальных объектов, Зиновьев выделяет три уровня их организации – микро-, макро- и суперуровень и три типа социальных связей – «коммунальные», «деловые» и «ментальные». Коммунизм в том его виде, в каком он сложился в СССР, есть социальная система, базирующаяся на доминировании связей коммунального типа. Законы коммунальности всегда и везде одни и те же везде, где образуется об-во. Это правила поведения людей по отношению друг к другу. Они носят объективный характер. В СССР в силу определенных исторических условий коммунальные связи стали господствующими и всеобъемлющими. В этом отношении советский коммунистический строй является столь же закономерным и объективным, как и зап. социально-политическая система. Он не навязан волевым порядком, а вырос из объективных общественных предпосылок. Советский коммунизм есть социальная организация, первич-

ными «клеточками» к-рой выступают трудовые коллективы. Его становление проходило не стихийно, а сознательно. Интеллектуальная деятельность в этом процессе играла огромную роль: вырабатывались планы, прогнозы, велась большая воспитательная работа. Она давала результаты, так как опиралась на учет объективных социальных законов. Вместе с тем советский коммунизм не идеальная система. Он несет с собой свои формы неравенства, неправопорядка, несправедливости, не исключает эксплуатации одних людей другими. В реальности в коммунистическом об-ве постоянно возникают трудности, проблемы, не все из них руководству страны удается решить своевременно и эффективно. Но он одновременно демонстрирует мощный потенциал развития. Спустя 10 лет после выхода книги реальный коммунизм в Советском Союзе перестал существовать. В последующих работах Зиновьев обосновывал позицию, согласно к-рой это событие являет собой результат не кризиса самой коммунистической системы, а кризиса управления системой. Советское руководство не сумело справиться с ним. На нем лежит главная ответственность за распад страны, строя, так как особенность коммунизма в том, что в нем прогресс, движущее начало идет не снизу – снизу как раз идет консервативная тенденция, – а сверху. В коммунистической системе все значительные преобразования осуществляются решениями свыше, реализуются, как правило, в процессе преодоления инертности, сопротивления населения. Поворот человечества к коммунизму, утверждает Зиновьев, обусловлен самой объективной логикой исторической эволюции, объективные предпосылки, породившие коммунизм, сохраняются, соответственно, сохраняется и возможность нового такого поворота.

Л и т.: *Зиновьев А.* Коммунизм как реальность. L'Âge d'Homme, 1980; *Zinoviev A.* Le communisme comme réalité. L'Âge d'Homme, 1981; *Zinoviev A.* Reality of Communism. Schocken books, 1984; *Он же.* Коммунизм как реальность. М., 2008.

Ю. Н. Солодухин

КОММУНОТАРНОСТЬ (фр. *communautaire* от лат. *communitas* – общность, общение) – термин, характерный для позднего периода творчества *Бердяева* (30–40-е гг.) и обозначающий персоналистическое, духовное, на основе свободы, любви, искренности, братства, межчеловеческое общение, опосредованное Богом. Если в раннем соч. «Смысл творчества» (1916) Бердяев заявлял, что «одиночество вполне соединимо с универсальностью» и «один может быть соборнее, универсальнее целого коллектива» (с. 380–381), то в поздних работах, уходя от изоляционизма личности, он вводит понятие «К.». По своему значению оно, согласно Бердяеву, связано со смыслом бытия, к-рый заключается «в преодолении одиночества, в обретении родственности, близости» (Философия свободного духа. М., 1994. С. 143), и с реализацией личности, к-рая «есть также реализация общения, жизни социальной и космической, преодоление того уединения, которое влечет за собою смерть» (Там же. С. 315). Если «всякое общество есть царство Кесаря», то общение «есть Царство Божье» (с. 312). К. «мучительно трудна», потому что личности, как «разные и таинственные миры», могут лишь частично соприкасаться и открываться друг другу, но в мире духовном они входят в «единую... атмосферу Царства Божьего» (Там